

От автора
знаменитых
бестселлеров
«Фламандская
доска»
и «Кожа
для барабана»!

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

Учитель фехтования

Азбука Premium

Арту́ро Перес-Реверте
Учитель фехтования

«Азбука»

1988

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Перес-Реверте А.

Учитель фехтования / А. Перес-Реверте — «Азбука»,
1988 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-19045-0

1868 год. Мадрид кипит в водовороте политических страстей и тайных заговоров, под натиском революции вот-вот рухнет испанская монархия. Однако шум эпохи не в силах поколебать душевного спокойствия дона Хайме, погруженного в воспоминания прошлых лет. Его молодость осталась позади, а вместе с ней и сладкая горечь любви, и боль разочарования, но он по-прежнему лучший фехтовальщик во всем Мадриде. И по-прежнему кодекс чести истинного кабальеро для него не пустой звук. Все меняется, когда в жизни дона Хайме появляется загадочная ученица, которая желает постичь секреты его смертельно опасного искусства...

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-19045-0

© Перес-Реверте А., 1988
© Азбука, 1988

Содержание

I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Арту́ро Перес-Реверте

Учитель фехтования

Arturo Pérez-Reverte
EL MAESTRO DE ESGRIMA
Copyright © 1988, Arturo Pérez-Reverte
All rights reserved

Азбука PREMIUM

Серия «Азбука Premium»
Перевод с испанского Надежды Беленькой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

© Н. М. Беленькая, перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Карлоте,
а также Рыцарю в желтом камзоле¹*

Я самый учтивый человек на свете. Моя заслуга в том, что я никогда никого не обижаю и покорно сношу назойливость невежд, которые бесцеремонно повествуют о своих невзгодах, а то и читают стихи собственного сочинения.

Генрих Гейне. Путевые заметки

В серебряных канделябрах уютно горели свечи, их огоньки отражались в хрустале высоких бокалов. Раскуривая толстую гаванскую сигару, министр внимательно разглядывал необычного гостя. Ему было совершенно ясно: господин, столь настойчиво добивавшийся встречи, – отъявленный пройдоха. Но однажды министру довелось видеть, как к дверям ресторана «Ларди» этого типа подвез великолепный экипаж, запряженный парой сытых английских кобыл, а на ухоженных пальцах, снимавших с сигары кольцо, сейчас блеснул золотой перстень с крупным бриллиантом. Министр оценил элегантную непринужденность, с которой держался господин; припомнил он и ходившие по Мадриду смутные слухи о его темном прошлом... Так что сомнений не оставалось: посетитель был не просто какой-то пройдоха, а пройдоха

¹ Имеется в виду роман отца Артуро Переса-Реверте «Рыцарь в желтом камзоле». –Здесь и далее примеч. перев.

богатый и влиятельный. Министру же, не считавшему себя радикалом в вопросах этики, было отнюдь не безразлично, к какому сорту негодяев принадлежит стоящий перед ним субъект, – его терпимость прямо зависела от достижений и успехов каждого конкретного представителя этого племени. Когда же он предчувствовал, что удастся сорвать крупный куш ценой маленькой сделки с совестью, он делался поистине великодушным.

– Мне нужны доказательства, – произнес министр, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

Обоим было ясно: сделка состоится. В глазах посетителя мерцали огоньки. Беседа шла именно так, как он предполагал. Тонко улыбнувшись, он одернул белоснежные манжеты, отчего крупные бриллианты на запонках вызывающе сверкнули, и достал конверт из внутреннего кармана сюртука.

– Доказательства – само собой, – проговорил он с легкой иронией.

Запечатанный сургучом конверт лежал на шелковой скатерти у самого края стола возле руки министра. Министр не прикасался к нему, словно боясь подхватить неведомую заразу, и выжидающе смотрел на гостя.

– Я слушаю вас, – произнес он.

В ответ господин пожал плечами и небрежно указал на конверт: казалось, выпустив его из рук, владелец потерял к нему всякий интерес.

– Взгляните сами, – произнес он равнодушно, словно происходившее не имело к нему отношения. – Имена, адреса... Вам это покажется, во всяком случае, забавным: будет чем занять ваших агентов.

– Неужели здесь указаны все соучастники?

– Скажем так: те, о ком следует упомянуть. Когда речь идет о больших деньгах, приходится все тщательно взвешивать.

При последних словах он снова улыбнулся. На этот раз его улыбка показалась министру несколько вызывающей.

– Сударь, у меня складывается впечатление, что вы относитесь к своему поступку несколько легкомысленно. То, что вы делаете... – Неоконченная фраза прозвучала раздраженно и угрожающе. На лице посетителя мелькнуло удивление.

– Вы же не будете настаивать, – вымолвил он, поразмыслив, – чтобы я, как Иуда, рисковал за какие-то тридцать сребренников... А вы намекаете именно на это.

Министр положил руку на конверт.

– Еще не поздно забрать бумаги назад, – проговорил он, держа сигару в зубах. – Для вас это было бы своего рода героизмом.

– Я отлично вас понимаю. – Гость допил коньяк, поднялся и взял с соседнего стула трость и цилиндр. – Но герои, как правило, гибнут. Или разоряются. Во втором случае мне придется терять слишком много; вы, сударь, знаете это лучше кого-либо другого. Человек в моем возрасте, к тому же занимающийся делами столь серьезными, ценит здравый смысл куда выше добродетели. Это диктуется инстинктом. Так что я за собой вины не чувствую.

Они не стали обмениваться рукопожатием или иными общепринятыми знаками расположения. Шаги на лестнице стихли, прогрехотал отъехавший экипаж. Оставшись один, министр надломил сургуч, раскрыл конверт, надел очки и придвинул канделябр. Сделав маленький глоток коньяка, он надолго углубился в чтение. Отложив последний документ, некоторое время сидел неподвижно, покуривая сигару. Затем посмотрел задумчиво в камин, отапливающий его небольшой кабинет, лениво поднялся и подошел к окну.

Впереди его ждало несколько часов утомительной работы, и он чуть слышно чертыхнулся. В ту ночь на Мадрид обрушился ледяной ливень, принесенный ветром с заснеженных

вершин Гуадаррамы. То была ночь 1866 года. В Испании правила Ее Католическое Величество донья Изабелла II².

² *Изабелла II* (1830–1904) – королева Испании (1833–1868), дочь Фердинанда VII. Вошла в историю как капризная, расточительная правительница, окружавшая себя фаворитами. Царствование Изабеллы совпало с бурным периодом в истории Испании. Еще до ее рождения, в период правления ее отца, начались т. н. «карлистские войны» – по сути, борьба за испанский престол. В ней участвовали две основные группировки: первая отстаивала интересы Фердинанда VII, вторая – его брата Карлоса V, также претендовавшего на корону. Во время правления Изабеллы борьба за престол продолжилась и постепенно переросла в гражданскую войну. Власть королевы опиралась на поддержку военных, и ее правление часто называют «генеральским режимом». Произошло несколько дворцовых переворотов. В начале Испанской революции (1868–1874) Изабелла II бежала во Францию.

I

Немного о поединке

Поединок двух порядочных людей под руководством учителя, исполненного благородных побуждений, – достойный образец хорошего вкуса и изысканного воспитания.

Когда много времени спустя дон Хайме Астарлоа попытался выстроить в цепочку разрозненные события той трагедии и припомнить, как все началось, перед его мысленным взором первым возник маркиз. Вспомнилась открытая терраса в зеленом парке Ретиро, жаркие дни начала лета, теплый ветер, врывающийся в распахнутые окна, и свет – он отражался в вороненой стали рапир, такой нестерпимо яркий, что приходилось невольно щурить глаза.

В тот день маркиз был не в форме; дыхание вырывалось из его легких с шумом кузнечного меха, рубашка намочла от пота. Такова, к сожалению, была расплата за чересчур бурную ночь, но дон Хайме, как обычно, воздержался от неуместных замечаний.

Личная жизнь учеников его не касалась. Он без труда отразил беспорядочные уколы разгоряченного маркиза и быстро атаковал. Гибкая итальянская сталь рапиры согнулась, когда наконецник уткнулся в грудь противника.

– Укол, ваша светлость.

Луис де Аяла-Велате-и-Вальеспин, маркиз де лос Алумбрес, чертыхнулся и в бешенстве сорвал маску. Лицо его было багровым, потным от жары и напряжения. Сбегавшие по лбу крупные капли пота застревали в бровях и усах.

– Черт бы меня побрал, дон Хайме... – Голос маркиза дрогнул от смущения. – Как вам это удастся? Вот уже третий раз за последние четверть часа вы разбиваете меня в пух и прах.

Дон Хайме пожал плечами. Он снял маску; под тронутыми сединой усами виднелась снисходительная улыбка.

– Сегодня у вас неудачный день, ваша светлость.

Луис де Аяла рассмеялся и принялся мерить широкими шагами галерею, украшенную дорогими фламандскими гобеленами, старинными шпагами, саблями и рапирами. Его пышные выющиеся волосы походили на львиную гриву. Все в нем, казалось, кипело энергией и темпераментом: большое сильное тело, громовой голос. Превыше всего в этом мире ценил он широту души, вспышки восторга и страсти, пылкую дружбу... В свои сорок лет он оставался холостяком. Холеный, статный, маркиз де лос Алумбрес был, как утверждали, настоящим баловнем судьбы. Заядлый игрок и неутомимый любитель женщин, он казался воплощением гуляки-аристократа, образа столь модного в Испании XIX века: за свою жизнь он не прочитал ни единой книги, зато мог пересказать на память родословную любой мало-мальски известной лошади с ипподромов Лондона, Парижа или Вены. Что же до женщин, достаточно вспомнить частенько гремевшие на весь Мадрид скандалы, которые становились притчей во языцех великосветских салонов, жадных до новостей и сплетен. Для своих сорока лет он выглядел превосходно, и стоило лишь вскользь упомянуть о нем, как дамы томно вздыхали: для них его имя стало символом любовных перипетий и бурных страстей.

При дворе ее величества, в этом замкнутом чопорном мирке, про маркиза слагались легенды. Прикрывшись веером, дамы шептались. Поговаривали всякое: что как-то раз во время пирушки в одном из кабачков Куатро-Каминос³ он затеял бурную ссору с поножовщиной – и это было неправдой; что в его усадьбе в Малаге жил якобы некогда усыновленный

³ Куатро-Каминос – пригород Мадрида.

им сын знаменитого разбойника, которого казнили, – а вот это была чистая правда. О его участии в политической жизни – правда, весьма эпизодическом – говорилось мало, зато истории о его любовных похождениях облетели весь город. Болтали, будто некоторые обманутые мужья, занимавшие довольно высокое положение в обществе, имели достаточно оснований вызвать маркиза на дуэль; не у всех, правда, хватало мужества. Четверо или пятеро, скорее всего, просто затем, чтобы удовлетворить общественное мнение, послали к нему секундантов, но их смелое решение привело к печальным последствиям: все они, пожертвовав сладким предутренним сном, встретили новый день, истекая кровью на траве безымянного луга в окрестностях Мадрида. И наконец, сплетники доходили до совсем уже невообразимых предположений: среди сонма обманутых мужей был якобы даже сам король. Впрочем, славный Франсиско де Асиз⁴ вряд ли стал бы ревновать свою августейшую супругу. Пала Изабелла II жертвой губительного обаяния маркиза или нет, навеки осталось тайной, известной лишь самим царствующим особам да исповеднику ее королевского величества. А у беззаботного маркиза не было не только исповедника, но, как говаривал он сам, ни малейшего желания заводить одного.

Маркиз снял нагрудник, оставшись в одной рубашке, и задумчиво положил рапиру на столик, куда слуга поставил серебряный поднос с бутылкой вина.

– На сегодня хватит, дон Хайме. Что-то не везет мне... Выпьем-ка лучше хереса.

Завершающая ежедневные тренировки рюмочка хереса превратилась для них в ритуал. Держа в левой руке маску и рапиру, дон Хайме взял у хозяина дома хрустальный фужер, где, словно жидкое золото, сверкало вино. Маркиз с наслаждением вдохнул аромат.

– Признайтесь, маэстро: в Андалусии всякую дрянь в бутылки не наливают. – Он не спеша пригубил золотистую жидкость и прищелкнул языком. – Посмотрите-ка на свет: чистое золото, солнце Испании. Разве можно сравнить это с бурдой, которую пьют за границей?

Дон Хайме с готовностью согласился. Ему по душе был и сам Луис де Аяла, и его манера обращаться к нему «маэстро», хотя, по сути, маркиз не был его учеником: при королевском дворе он вот уже много лет считался лучшим фехтовальщиком и давно не нуждался ни в чьих уроках. Его отношения с доном Хайме были иного рода: маркиз любил фехтование так же страстно, как карты, женщин и лошадей. И неудивительно, что ежедневно он целый час проводил с рапирой в руке. Это занятие было не только полезным упражнением для тела – оно имело еще и неоценимый практический смысл: с помощью шпаги или рапиры маркизу время от времени приходилось решать вопросы чести. Лет пять назад в поисках достойного противника Луис де Аяла обратился к лучшему учителю фехтования Мадрида – именно таковым слыл дон Хайме, хотя любители моды считали его стиль излишне консервативным. С тех пор ежедневно, кроме субботы и воскресенья, ровно в десять утра учитель фехтования приходил во дворец Вильяфлорес, где жил маркиз. Именно там, в просторном фехтовальном зале, отделанном по последнему слову тогдашней светской моды, маркиз неистово, с ожесточенным пылом атаковал и блестяще отражал самые хитроумные атаки, хотя в конце концов неизменно побеждали талант и мастерство дон Хайме. Маркиз, лидер от природы, тем не менее умел достойно проигрывать и относился к незаурядному профессионализму старого учителя с искренним восхищением.

Поморщившись, словно от боли, маркиз ощупал свое тело и притворно вздохнул.

– Клянусь преисподней, маэстро, давненько вы меня так не отделявали... После вашего урока меня спасет только хорошая бутылка вина.

Дон Хайме усмехнулся:

– Я же предупреждал, ваша светлость: сегодня у вас не лучший день.

– Да уж. Если б у вашей рапиры не было наконечника, вы бы отправили меня на тот свет. Боюсь, я выглядел не лучшим образом.

⁴ Франсиско де Асиз де Бурбон (1822–1902) – племянник Фердинанда VII, принц-консорт, супруг Изабеллы II.

– За безрассудства приходится платить, ваша светлость.

– Что правда, то правда. Особенно в моем возрасте. Я ведь уже не мальчишка, черт побери! Но ничего не поделаешь, маэстро. Вы и представить не можете, что со мною стряслось.

– Наверное, вы влюбились, ваша светлость.

– Вы правы, – вздохнул маркиз, подливая себе хересу. – Влюбился, как последний щенок.

По уши.

Дон Хайме кашлянул и пригладил усы.

– Если не ошибаюсь, – заметил он, – уже третий раз за этот месяц.

– Ну и что? Уж если я влюбляюсь, то влюбляюсь по-настоящему. Вы меня понимаете?

– Отлично понимаю. Я совершенно серьезен, ваша светлость.

– Просто удивительно! Чем старше, тем безнадежнее влюбляюсь и ничего не могу с собой поделать. Рука по-прежнему сильна, а сердце слабо, как говорили поэты. Если бы вы только знали...

И маркиз многословно, с выразительными недомолвками принялся описывать всепожирающую страсть, которая довела его в ту ночь до полного изнеможения. О да, настоящая светская дама... И муж, как водится, в полном неведении.

– Вы совершенно правы, маэстро. – По лицу маркиза скользнула озорная улыбка. – Сегодня я расплачиваюсь за свои грехи.

Дон Хайме укоризненно покачал головой.

– Фехтование – как причастие, – улыбнулся он. – Приступать к нему надо, очистив тело и душу. Стоит нарушить неписанный закон – и наказание неизбежно.

– Черт возьми, маэстро! Надо бы это записать.

Дон Хайме поднес к губам рюмку. Он казался полной противоположностью маркиза: далеко за пятьдесят, среднего роста; худоба придавала его телу, крепкому, сухому и сильному, словно сплетенному из упругих виноградных лоз, обманчиво хрупкий вид. Орлиный нос, чистый высокий лоб, седые пышные волосы, тонкие изящные руки воплощали в себе сдержанное достоинство, которое еще более подчеркивалось серьезным выражением серых глаз, окруженных тонкими морщинками, делавшими его улыбку на удивление обаятельной и живой. Подвитые на старинный манер усы были не единственной старомодной чертой в его облике. Скромные средства позволяли ему одеваться неброско и практично, но делал он это с элегантностью минувших времен, чуждой сиюминутным влияниям моды. Его костюмы, даже купленные совсем недавно, были сшиты по выкройкам, изготовленным лет двадцать назад, что, впрочем, для возраста его можно было считать хорошим тоном. Все это придавало старому маэстро вид человека, для которого не существует времени, человека, нечувствительного к ритму своей эпохи. В глубине души эта отчужденность от времени приносила ему особенное, загадочное, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Слуга принес маэстро и маркизу большую лохань с водой для умывания. Луис де Аяла снял рубашку; на его могучей груди, лоснившейся от пота, виднелись красные следы укулов учебной рапиры.

– Клянусь Люцифером, маэстро, вы сделали из меня решето... Подумать только, за что я расплачиваюсь!

Дон Хайме вытер лоб и посмотрел на него с иронией. Маркиз тем временем, сопя, обмыл торс.

– Ну а если говорить серьезно, – добавил он, – политика наносит удары безжалостнее. Представьте только, Гонсалес Браво⁵ предложил мне вернуться в парламент! Говорит, с видами на очень солидную должность. Должно быть, не на шутку влип, раз ему вдруг понадобился такой пропащий человек, как я.

⁵ Луис Гонсалес Браво (1811–1871) – испанский политик, сторонник Нарваэса.

На лице маэстро изобразилось притворное недоумение. К политике он был совершенно равнодушен.

– Что же собирается делать ваша светлость?

Маркиз презрительно пожал плечами:

– Делать? Да ровным счетом ничего. Я уже сказал моему сиятельному тезке: пусть это теплое местечко займет его папенька. Конечно же, я употребил другие выражения. Мне больше по душе беззаботная жизнь, стол в казино и хорошенькие глазки. А прочего у меня и так хватает.

Луис де Аяла был депутатом в кортесах. Когда-то, во время правления одного из последних кабинетов Нарваэса⁶, он занимал важный пост в канцелярии Министерства внутренних дел. Его отставка несколько месяцев спустя совпала по времени с гибелью титулярного советника Вальеспина Андреу, его дяди со стороны матери. Чуть позже Аяла, на сей раз по собственной воле, оставил должность в конгрессе и покинул ряды партии «модерадос»⁷, в которой состоял до поры до времени, не проявляя, впрочем, особого рвения. Выражение «у меня и так всего хватает», произнесенное маркизом на собрании в Атенее, стало крылатым, и вскоре его заимствовали политики – пускали в ход всякий раз, когда кто-нибудь хотел выразить, до какой степени он разочарован скверным положением дел в стране. С тех пор маркиз де лос Алумбрес держался в стороне от любой общественной деятельности, отказывался от участия в гражданских и военных акциях, проходивших в правящих кабинетах монархии, и наблюдал за политическими волнениями издали с самодовольной улыбкой дилетанта. Жил он на широкую ногу и, не моргнув глазом, проматывал за игорными столами огромные суммы. Злые языки поговаривали, что Луис де Аяла частенько оказывался на грани разорения, но каждый раз он умудрялся поправить свое экономическое положение, словно его оскудевшие средства неустанно пополнялись из таинственных неисчерпаемых источников.

– Ну а как ваши поиски Грааля, дон Хайме?

Не застегнув до конца рубашку, маэстро замер и печально посмотрел на собеседника.

– Не очень хорошо. Точнее сказать, весьма средне... То и дело задаю себе вопрос, по силам ли мне его найти. Бывают минуты, когда, признаться, я бы с радостью отказался от этих поисков.

Луис де Аяла закончил омовения, перекинул полотенце через плечо и взял стоявшую на столе рюмку хереса. Побарабанив пальцами по хрусталу рюмки, он прислушался к звуку с явным удовольствием.

– Что это вам взбрело в голову, маэстро? Кому, как не вам, этим заниматься?

На губах дон Хайме мелькнула грустная улыбка.

– Спасибо за доброе слово, ваша светлость. Но в мои годы понимаешь, что жизнь состоит из сплошных разочарований... И главное – разочаровываешься в себе самом. Я начал подозревать, что моего Грааля просто не существует.

– Все это вздор, друг мой.

Вот уже много лет Хайме Астарлоа работал над «Трактатом об искусстве фехтования», который, по словам поклонников его редкого дарования и опыта, должен был стать фундаментальным творением, сравнимым лишь с трудами таких замечательных мастеров, как Гомард, Грисьер и Лафуажер. Но однажды автор усомнился: сумеет ли он изложить письменно то, что составляет смысл всей его жизни? Постепенно неуверенность его возрастала. Желая сделать свое произведение неким *non plus ultra*⁸ столь волновавшей его темы, он хотел описать в нем

⁶ *Рамон Мария Нарваэс* (1800–1868) – герцог Валенсийский; испанский политик, генерал, фактически диктатор Испании в 1843–1854 гг. Родился в г. Лохе, в провинции Гранада, поэтому в дальнейшем упоминается как Всадник из Лохи. Поддерживал Изабеллу II, неоднократно становился главой правительства, исповедовал принцип «применять палку и бить крепко».

⁷ «Модерадос» – правое крыло оппозиции монархии, выражающее интересы крупной буржуазии и крупных помещиков.

⁸ Непревзойденный шедевр (*лат.*).

мастерский укол, великолепное, безупречное действие⁹, самое совершенное творение человеческого гения, вдохновляющий образец для подражания. Поиску этого действия дон Хайме Астарлоа посвятил всю жизнь – с того мгновения, когда его рапира впервые скрестилась с рапирой противника. Но поиски Грааля, как сам он их называл, оставались бесплодными. И теперь, подойдя к началу постепенного физического и умственного разрушения, старый маэстро чувствовал, как мощь уходит из его пока еще сильных рук, а талант, который всегда вел его за собой, под гнетом лет начинает слабеть. Каждый вечер, сидя в тишине скромного кабинета, при свете лампы над пожелтевшими от времени листами бумаги, дон Хайме тщетно пытался вырвать из глубин своего сознания ключ, о существовании которого он смутно догадывался каким-то неведомым чутьем. Шло время, а злосчастный ключ никак не желал покидать свое тайное убежище. Часто маэстро просиживал в раздумьях до рассвета, так и не ложась спать. Иногда внезапно просыпался, чувствуя прилив вдохновения, вскакивал в одной рубашке, с яростью хватал рапиру и спешил к зеркалам, покрывавшим стены его небольшого фехтовального зала. И там, стараясь припомнить то, что всего минуту назад вспыхнуло искрой в его спящем разуме, пускался в беспорядочное, бесполезное преследование. Его движения и мысли сталкивались в безмолвной схватке с отражением, коварно улыбавшимся ему из темноты.

Дон Хайме Астарлоа вышел на улицу, держа футляр со шпагами под мышкой. Утро выдалось на редкость жарким; Мадрид медленно плавился под взошедшим немилосердным солнцем. На тертулии¹⁰ в кафе «Прогресо» все разговоры вращались вокруг жары и политики: сетования на зной постепенно сменялись другой животрепещущей темой – обсуждением политических заговоров, большая часть которых мгновенно становилась известной. Летом 1868 года в заговорах, казалось, принимали участие все, кому не лень. Старик Нарваэс умер в мае, и Гонсалес Браво считал себя достаточно могущественным, чтобы взять страну в железный кулак. В Восточном дворце королева бросала пламенные взгляды на молоденьких офицеров, страстно молилась и готовилась к предстоящему лету на Севере. А кое-кому не оставалось ничего другого, как проводить лето в изгнании: многие влиятельные личности – такие, как Прим, Серрано, Сагаста или Руис Сорилья¹¹, – были сосланы на чужбину или находились под строжайшим наблюдением. Свои силы они отдавали мощному подпольному движению под названием «Достойная Испания». Все сходились во мнении, что дни Изабеллы II сочтены; сторонники мягких мер распространяли слухи, что королеве и ее сыну Альфонситу¹² нужно отказаться от своего права на престол; радикалы же откровенно лелеяли мечту о республике. Поговаривали, что дон Хуан Прим со дня на день вернется из Лондона; однако легендарный герой Кастильехос уже приезжал – и не раз, но вынужден был бежать. «Смоквы еще не созрели», – пелось в популярной песенке. Тем временем кое-кто считал, что смоквы не только созрели, но уже начали подгнивать, провисев на дереве слишком долго. Словом, слухам и сплетням не было числа.

Скромный достаток дон Хайме не позволял ему особенных излишеств, и он только помотал головой извозчику, услужливо предложившему свой экипаж. Маэстро шел пешком по бульвару Прадо, оглядая беззаботных пешеходов, искавших прибежища в тени деревьев. В толпе то и дело мелькало какое-нибудь знакомое лицо, и маэстро вежливо здоровался, припод-

⁹ Термин «действие» обозначает в фехтовании набор приемов, связанных между собой и имеющих единую цель.

¹⁰ *Тертулия* – постепенно уходящие в прошлое собрания в кафе или барах, где обсуждаются различные темы, связанные с политикой и культурой.

¹¹ *Хуан Прим-и-Пратс* (1814–1870), граф Реусский, маркиз Кастильехос – испанский политик, сторонник конституционной монархии, ярый противник правительства Изабеллы II, активный участник революции 1868 г. *Франсиско Серрано-и-Домингес* (1810–1885) – испанский политик, глава партии либералов. В 1871–1902 гг. шесть раз был главой правительства. *Прайседес Матео Сагаста* (1827–1903) – испанский политик, глава партии прогрессистов. *Мануэль Руис Сорилья* (1833–1895) – испанский политик, сторонник республиканской партии.

¹² Имеется в виду Альфонс XII (1857–1885), сын Изабеллы II и Франсиско де Асиз, в дальнейшем король Испании (1874–1885).

нимаемая цилиндры. Почтенные гувернантки в форменных платьях оживленно судачили, сидя на деревянных скамьях и присматривая издали за детьми в матросских костюмчиках, игравшими возле фонтанов. В открытых экипажах степенно проплывали дамы, заслоняясь от солнца кружевными зонтиками.

Даже в легком летнем сюртуке дон Хайме изнывал от жары. По утрам он давал уроки еще двоим ученикам у них на дому. То были юноши из хороших семей: их родители считали фехтование упражнением, полезным для здоровья, и одним из немногих занятий, не наносивших ущерба семейной чести. Эти уроки, а также занятия еще с тремя или четырьмя учениками позволяли дону Хайме вести соответствующий его вкусу образ жизни. Его личные расходы были очень невелики: оплата жилья на улице Бордадорес, обед и ужин в ближайшем кафе, кофе да гренки в «Прогресо»... Дополнительные же расходы дон Хайме мог себе позволить благодаря маркизу де лос Алумбрес, который, единожды установив порядок оплаты, аккуратно платил ему в первый день каждого месяца; таким образом, дону Хайме удавалось даже откладывать небольшую сумму на ту пору, когда возраст уже не позволит зарабатывать на существование и ему придется доживать век в богадельне. Все чаще и чаще его посещала печальная мысль, что этот день уже не за горами.

Депутат кортесов граф де Суэка, чей старший сын был одним из немногочисленных учеников дон Хайме, прогуливался верхом. На ногах у него красовались сияющие английские сапоги для верховой езды.

– Приветствую вас, маэстро.

Шесть или семь лет назад граф и сам был учеником дон Хайме. В те времена ему пришлось участвовать в дуэли, и, желая усовершенствовать свою технику, он прибег к услугам известного учителя фехтования. Результат оказался превосходным – шпага сразила противника наповал, и с той поры граф поддерживал с маэстро приятельские отношения, а впоследствии доверил ему обучение своего сына.

– Итак, под мышкой у вас рабочие инструменты... Утренние занятия, как я полагаю.

Улыбнувшись, дон Хайме нежно погладил рапиры. Здороваясь с ним, граф приветливо коснулся рукой крыла шляпы, по-прежнему оставаясь в седле. Уже не в первый раз дон Хайме отмечал, что, за исключением редких случаев, как с Луисом де Аялой, отношение учеников к своему учителю было приблизительно одинаковым – любезным, но дистанция неизменно соблюдалась. Однако ему исправно платили за услуги, а это, так или иначе, само по себе уже немало. Преклонный возраст позволял маэстро не забивать себе голову подобными пустяками.

– Как видите, дон Мануэль... Действительно, у меня сейчас утренние занятия. Я пленник душного Мадрида, однако работа есть работа, ничего не поделаешь.

Граф, не работавший за всю свою жизнь ни единого дня, понимающе кивнул, сдерживая великолепную английскую кобылу, нетерпеливо переступавшую с ноги на ногу. Он рассеянно огляделся и провел мизинцем по бороде: его крайне интересовали дамы, гулявшие вдоль решетки Ботанического сада.

– Ну а как там мой Манолито? Надеюсь, он делает успехи?

– Еще бы, сеньор. Он способный юноша. Излишне горяч, но в семнадцать лет это простительно. Время и дисциплина смягчат его нрав.

– Все в ваших руках, маэстро.

– Благодарю за доверие, ваше сиятельство.

– Всего доброго.

– И вам также. Мое почтение сеньоре графине.

Граф отпустил поводья, и дон Хайме отправился дальше. Свернув на улицу Уэртас, он задержался возле витрины книжного магазина. Покупка книг, удовольствие отнюдь не дешевое, была его страстью, которой он предавался, увы, не так уж и часто. Маэстро с нежностью смотрел на позолоченные корешки книг в кожаных переплетах и вспоминал минувшие годы,

когда дела шли хорошо и он мог жить на широкую ногу. Глубоко вздохнув, он вернулся мыслями к настоящему, сунул руку в карман жилета и достал часы на длинной цепочке, оставшиеся у него от лучших времен. До визита к дону Матиасу Сольдевиля – «Мануфактура Сольдевиля и братья, поставщики Королевского дома и Колониальных войск» – оставалось пятнадцать минут; по истечении этого времени ему придется битый час вдалбливать в тупую голову Сальвадорина, сына дона Матиаса, основы фехтования: «Вперед, батман, смелее, обходи руку... Раз, два, три, Сальвадорин, раз, два, так, еще раз, отлично, осторожно, вот так, стоп, плохо, очень плохо, отвратительно, еще раз, выше, один, два, стоп, батман, сбоку, смелее... Малыш делает успехи, дон Матиас, клянусь вам. Он совсем еще зелен, но у него есть интуиция и способности. Ему нужны лишь время и дисциплина...» И это – за шестьдесят реалов в месяц.

Солнечные лучи падали почти отвесно; воздух над мостовой дрожал. По улице проехал водовоз, расхваливая свой прохладный товар. Зеленщица, сидевшая в тени возле корзин с фруктами и овощами, отгоняла мух, которые тучей вились вокруг. Дон Хайме снял шляпу, достал носовой платок и вытер со лба пот. Вскользь полюбовался военным гербом, вышитым на старом шелке платка синими нитками, выцветшими от времени и многочисленных стирок, и, покорно подставив плечи безжалостному солнцу, продолжил путь вверх по улице. Тень съехала у самых ног маленьким темным пятном.

«Прогресо» вовсе не походило на кафе в обычном понимании этого слова. Несколько столиков из шербогатого мрамора, столетние стулья, скрипящий под ногами деревянный пол, пыльные шторы, полумрак. Старик-управляющий Фаусто дремал у двери в кухню, из которой доносился уютный запах кофе. Тощий облезлый кот с вороватым видом шнырял под столами, выслеживая мышь. Зимой в «Прогресо» пахло сыростью, на обоях проступали большие унылые пятна. Посетители кутались в пальто и теплые плащи, словно желая продемонстрировать молчаливое недовольство дряхлой железной печуркой, тускло красневшей в одном из углов.

К лету все менялось. В центре раскаленного от зноя Мадрида кафе «Прогресо» становилось оазисом прохлады и тени; казалось, в его стенах за тяжелыми шторами чудом сохранился холод, накопившийся за зиму. И едва наступала пора летнего зноя, небольшая тертулия дона Хайме собиралась в кафе «Прогресо» каждый вечер.

– Вы, как обычно, искажаете мои слова, дон Лукас.

У произнесшего эти слова Агапито Карселеса был вид священника-расстриги, коим он, впрочем, и являлся. Споря, он воздевал указательный палец, будто призывал в свидетели само небо, – эту привычку он приобрел за то недолгое время, когда по необъяснимой халатности церковных властей, о чем епископ его долго впоследствии сожалел, его допустили на кафедру проповедовать благочестивым прихожанам. Обычно он перебивался с хлеба на воду, брал в долг у знакомых или под вымышленным именем писал пламенные речи в поддержку радикалов для выходявшей ничтожным тиражом газетенки «Патриот-подпольщик», которую он бесплатно раздавал приятелям. Называя себя республиканцем и федералом, он громко декламировал трескучие антимонархические сонеты собственного сочинения, каждому встречному и поперечному объявлял, что Нарваэс – тиран, Эспартеро¹³ – фарисей, а Серрано и Прим вызывают у него серьезные подозрения; совершенно некстати сыпал цитатами на латыни и по любому поводу ссылался на Руссо, не прочтя за всю жизнь ни одной его книги. Основным предметом его нападок были духовенство и монархия, а самыми прогрессивными вкладами в развитие человечества он считал изобретение печати и гильотины, о чем тоже неустанно твердил всем и каждому.

¹³ *Бальдомеро Эспартеро* (1793–1879) – испанский политик, регент, затем сторонник Изабеллы II в войне против карлистов. Один из самых популярных людей Испании середины XIX в.

Дон Лукас Риосеко барабанил пальцами по столу, теряя остатки терпения. Он что-то бормотал, морщился и разглядывал на потолке пятна с таким видом, будто они могли дать ему силу и выдержку, чтобы спокойно дослушать бредни журналиста.

– О чем тут спорить? – заключил Карселес. – Руссо дал исчерпывающий ответ на вопрос, каким является человек по своей природе – добрым или злым. И его выводы, господа, просто великолепны. Великолепны, дон Лукас, так и знайте! Все люди добры, а посему свободны. Все люди свободны и посему равны. Отсюда вывод: все люди равны, ergo¹⁴ равноправны. Вот так, господа! Свобода, равенство и национальное равноправие следуют, таким образом, из природной доброты человека. А все прочее, – он стукнул кулаком по столу, – вздор и ерунда.

– Но ведь есть и негодяи, дорогой друг, – вмешался дон Лукас с таким ехидством, словно ему удалось поймать Карселеса на его же собственную удочку.

Карселес улыбнулся холодно и презрительно.

– Разумеется. Кто же в этом усомнится? Например, Всадник из Лохи, ныне гниющий в аду; Гонсалес Браво и его шайка, кортесы... Но это лишь обычное недоразумение. Так вот: чтобы разобраться с такими господами, Французская революция подарила миру гениальную штуку – острую бритву, которая движется вверх-вниз: раз – и готово, раз – и готово. И так уничтожаются все недоразумения – как обычные, так и необычные. *Nox atra cava circumvolat umbra*¹⁵. А свободному и равноправному народу – свет разума и прогресса.

Дон Лукас сдерживал себя с трудом. Он происходил из благородной, но обедневшей дворянской семьи, был тщеславен и в кругу друзей слыл мизантропом. Вдовец лет шестидесяти, детей он не имел. Жизнь его сложилась не самым удачным образом: все знали, что со времен покойного Фердинанда VII¹⁶ денег у него не водилось и жил он на скудную ренту да за счет доброты великодушных соседей. Однако в соблюдении благопристойности был крайне щепетилен. Его немногочисленные костюмы всегда тщательно отутюжены, а изящество, с каким он завязывал единственный галстук и вставлял в левый глаз черепаховый монокль, вызывало всеобщее восхищение. Он придерживался реакционных идей: считал себя монархистом, католиком и, главное, порядочным человеком. Словом, был непримиримым противником Агапито Карселеса.

Помимо упомянутых участников, тертулию обычно посещали еще двое: Марселино Ромеро, учитель музыки в женской гимназии, и Антонио Карреньо, чиновник из Продовольственной компании. Ромеро был тихий, болезненный и печальный человек. Его надежды на карьеру музыканта остались в прошлом, и ныне он обучал пару десятков девиц из хорошего общества, как правильно стучать пальцами по клавишам. Карреньо был рыжий худой тип с ухоженной бородой медного цвета, молчаливый и угрюмый. Он считал себя масоном и заговорщиком, хотя не имел ни малейшего отношения ни к тем, ни к другим.

Закручивая желтоватые от никотина усы, дон Лукас бросил испепеляющий взгляд на Карселеса.

– До чего ж упорно вы, друг мой, пытаетесь извратить устои нашей нации, – язвительно заговорил он. – Вас никто об этом не просит, и тем не менее нам приходится выслушивать ваши разглагольствования, которые завтра наверняка будут опубликованы и превратятся в крикливое воззвание, которыми кишат страницы вашей газетки... Так слушайте же, дружище Карселес: я заявляю вам свой протест. Я отказываюсь принимать ваши дутые аргументы. Вы только и знаете, что призывать всех к резне. Славный получился бы из вас министр внутренних дел!.. А вспомните-ка, что устроила ваша хваленая чернь в тридцать четвертом: восемьдесят монахов убиты разгоряченным сбродом, подстрекаемым бесстыжими демагогами.

¹⁴ Следовательно (*лат.*).

¹⁵ Сумрачной тенью своей нас черная ночь осеняет (*лат.*). Вергилий. Энеида, песнь II (перев. С. Шервинского).

¹⁶ Фердинанд VII (1784–1833) – король Испании, сын Карлоса IV (1748–1819) и Марии Луизы Пармской (1751–1819).

– Восемьдесят, вы сказали? – Карселес явно смаковал слова дона Лукаса, еще больше выводя того из себя. – Маловато, по-моему. А уж я-то знаю, о чем говорю. Отлично знаю! Жизнь клира я изучил, представьте себе, изнутри; да еще как изучил!.. В этой стране с ее Бурбонами и церковниками честному человеку делать нечего.

– Это вы о себе? Вам только дай волю, и вы пустите в дело ваши славные принципы...

– Принципы? Я знаю лишь один принцип: священник и Бурбон – из Испании вон. Фаусто! Еще пять чашек, платит дон Лукас.

– Как бы не так! – Ощетинившись, старик откинулся на спинку стула, заложил большие пальцы в карманы жилета и яростно сжал в глазу монокль. – Даже когда у меня есть деньги – сегодня, к сожалению, не тот случай, – я плачу только за друзей. А угощать фанатичного предателя я не стал бы никогда!

– Уж лучше быть, как вы изволите выражаться, фанатичным предателем, чем всю жизнь вопить: «Да здравствует монархия!»

Остальные участники тертулии поняли: пора обстановку разряжать. Дон Хайме, помешивая ложечкой кофе, попросил соблюдать тишину. Марселино Ромеро, учитель музыки, покинул свои заоблачные дали и вмешался в спор, предлагая в качестве темы музыку, что, впрочем, не вызвало ни у кого ни малейшего энтузиазма.

– Вы отклоняетесь от темы, – объявил Карселес.

– Я не отклоняюсь, – возразил Ромеро, – музыка важна для общества. Она способствует равенству в сфере чувств, рушит границы, объединяет народы...

– Этому господину по душе только одна музыка: «Гимн Риего!»¹⁷

– Да будет вам, дон Лукас.

В этот миг коту померещилась мышь, и он заметался под ногами участников тертулии. Антонио Карреньо, обмакнув указательный палец в стакан с водой, принялся выводить на шерба-том мраморе загадочные знаки.

– В Валенсии об одном, в Вальядолиде о другом. Ходят слухи, что в Кадисе Топете¹⁸ принял эмисаров, но поди проверь, правда ли это. Глядишь, в самый неожиданный момент сюда возьмет и нагрянет Прим собственной персоной. Вот будет заваруха!

И с таинственным видом посвященного Карреньо пустился рассказывать об очередном заговоре, секретные сведения о котором сообщили ему некие тайные осведомители, чьи имена он, разумеется, предпочитает держать за семью печатями. Про заговор, о котором шла речь, как и про дюжину других подобных заговоров, знал весь Мадрид, однако Карреньо это нисколько не смущало. Шепотом, то и дело озираясь по сторонам, перемежая рассказ множеством недомолвок и намеков («Я доверяю вашей порядочности, господа...»), он перечислял подробности своей захватывающей истории.

– Ложи, господа, – о масонских ложах он обычно рассуждал так же запросто, как другие рассказывают о своих домочадцах, – имеют колоссальное влияние на общество и политику. Скажу вам по секрету: о Карлосе VII¹⁹ никто уже и не думает; кроме того, без старика Кабреры²⁰ племянник Монтемолина²¹ – пустое место. Словом, Альфонсито долгой хватит Бурбонов. Быть может, нам подошел бы какой-нибудь заграничный вариант монархии, конституционный или

¹⁷ Рафаэль Риего (1785–1823) – испанский революционер, поднявший в 1820 г. восстание в армии. В период восстания «Гимн Риего» был объявлен национальным гимном страны.

¹⁸ Хуан Батиста Топете-и-Карбайо (1821–1885) – испанский адмирал и политик. Под его командованием в 1868 г. начался мятеж на флоте, положивший начало революции 1868 г., которая завершилась свержением Изабеллы II.

¹⁹ Речь идет о короновании Альфонса XII, сына Изабеллы II.

²⁰ Рамон Кабрера-и-Грильо (1806–1877) – испанский военный, прославился жестокостью и репрессиями.

²¹ Карлос Луис де Бурбон, граф Монтемолин (1818–1861) – старший сын Карлоса Марии Исидро де Бурбона (1788–1855), брата Фердинанда XII, именовавшего себя Карлосом V. Унаследовал право на корону Испании. Претендовал на имя Карлоса VI.

что-нибудь в этом духе; хотя поговаривают, что Прим склоняется на сторону шурина королевы, Монпансье. А в противном случае всех ожидает «славная и независимая», предмет вожделений Карселеса.

– Да, господа, великая и свободная. – Карселес торжествующе поглядел на дона Лукаса.
– И пусть монархисты роют себе могилы.

Однако насупившийся дон Лукас не сдавался – он готовился нанести ответный удар.

– Вот-вот, – проворчал он угрюмо, – свободная, демократичная, вольномыслящая, оборванная и никчемная республика. Кругом сплошное равноправие, а на Пуэрта-дель-Соль торчит гильотина, чей нехитрый механизм собственноручно приводит в действие дон Агапито. Никаких кортесов, ни черта. Народная ассамблея в Куатро-Каминосе, в Вентасе, в Вальекасе, в Карабанчеле²². . . Вот что предлагают нам единомышленники сеньора Карселеса. А раз так, родившись европейцами, мы постепенно превратимся в папуасов!

Фаусто принес блюдо с гренками. Дон Хайме взял один и задумчиво обмакнул его в кофе. Маэстро крайне утомляли нескончаемые споры приятелей, но он понимал: эта компания не лучше и не хуже любой другой. Пара часов, проведенных на тертулии, частенько спасали его от уныния и одиночества. Эти люди со всеми их недостатками, ворчливые, хмурые, готовые растерзать любую живую тварь, случайно затесавшуюся в их спор, давали друг другу счастливую возможность сбросить гнет разочарований. В узком кругу завсегдатаев тертулии каждый смутно утешался, глядя на других и понимая, что его собственные неудачи – не исключение, и собеседники в той или иной степени разделяют его невеселую участь.

Это сознание таинственным образом их объединяло, и они продолжали исправно посещать собрания, ставшие ежедневными. Несмотря на бесконечные споры, политические разногласия и различные увлечения и занятия, пятеро приятелей представляли собой некое единство, и, хотя никто никогда не признался бы в этом открыто, все они походили на стайку сиротливых одиноких существ, плотно прильнувших друг к другу в поисках тепла.

Дон Хайме посмотрел вокруг и внезапно поймал печальный и кроткий взгляд учителя музыки. Пару лет назад сорокалетний Марселино Ромеро тяжело и безнадежно влюбился в одну достойную мать семейства, чью дочку прилежно обучал музыке. Нелепый треугольник учитель – ученица – мать вскоре распался, и каждый день бедняга, словно невзначай, проходил под одним балконом на улице Орталеса. Он стойко переносил муки неразделенной, безнадежной страсти.

Дон Хайме с искренней симпатией улыбнулся дону Ромеро, полностью ушедшему в свои переживания. Тот рассеянно улыбнулся ему в ответ. Дон Хайме подумал, что в памяти каждого мужчины дремлет горькое и нежное воспоминание о какой-нибудь женщине; у него в жизни тоже было нечто похожее, но его история закончилась много лет назад.

Часы на здании Почтамта пробили семь раз. Кот вернулся с охоты – ему так и не удалось ничего поймать.

Тем временем Агапито Карселес принялся декламировать анонимный сонет, посвященный покойному Нарваэсу; авторство сонета он, разумеется, приписывал себе.

О пилигрим! Когда увидишь ты однажды
дорогой в Лоху скромную могилу. . .

Дон Лукас зевнул во весь рот, желая позлить приятеля. По улице мимо окон «Прогресо» прошли две хорошо одетые сеньоры и, не останавливаясь, украдкой заглянули внутрь. Перехватив их взгляд, приятели вежливо поклонились. Один лишь Карселес был целиком поглощен своим сонетом:

²² Вентас, Вальекас, Карабанчела – пригороды Мадрида.

...замедли шаг, внемли: здесь спит отважный
пройдоха и достойнейший кутила...

Напротив кафе появился уличный продавец леденцов. Двое босых мальчишек преследовали его, жадно поглядывая на аппетитный товар; продавец обернулся и шикнул на них, как на воробьев. Вскоре в «Прогресо» вошли студенты и заказали оршад. Держа в руках газеты, они горячо обсуждали последнее уличное происшествие, в которое вмешались гражданские гвардейцы, прозванные «мужланами». Студенты с любопытством покосились на Карселеса – тот декламировал элегию на смерть герцога Валенсийского:

...Вояка храбрый, он увенчан славой:
на поле блуда не жалея силы,
в разврате и гульбе почил наш малый.
И дабы помянуть сего кутилу,
послушай, друг: не мудрствуя лукаво,
сними штаны и оскверни могилу.

Юноши захлопали, и Карселес, приложив руку к груди, согнулся в шутовском поклоне: ему явно польстила такая бурная реакция неожиданной аудитории. Послышались возгласы: «Да здравствует демократия!», и в довершение всего журналиста пригласили на вечеринку. Дон Лукас мрачно покручивал ус, бледнея от праведного гнева. Голодный кот вился у него под ногами, словно сочувствуя старику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.